

Рина
Сивая

Куклолка

для ДЖОКЕРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Рина Сивая

Куколка для Джокера

«Автор»

2026

Сивая Р.

Куколка для Джокера / Р. Сивая — «Автор», 2026

Она готова на все, чтобы выжить. Когда-то у нее было имя, которое открывало двери. Теперь только ребенок на руках и пустой счет. Ради дочери она пойдет на все: проглотит гордость, примет любые правила даже если придется стать игрушкой в чужих руках. Он привык ломать людей. И называть это игрой. Джокер — самый непредсказуемый капо семьи Орсини. Улыбка — как предупреждение, жестокость как искусство. Когда судьба подбрасывает ему дочь человека, которого он когда-то ненавидел, он принимает это как подарок. И собирается превратить ее жизнь в медленную расплату. Но все выходит из-под контроля. Потому что на нее начинают охотиться те, кому плевать на его игры. И потому что он вдруг понимает чужие руки не имеют права к ней прикасаться. Ломать ее может только он. А защищать тем более. И если весь мир попытается забрать у него эту игрушку он сожжет его дотла. Потому что она его. Даже если пока об этом никто не знает.

© Сивая Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо скучного предупреждения честный разговор на берегу	5
Пролог	6
Глава 1. Анастасия	8
Глава 2. Анастасия	10
Глава 3. Анастасия	13
Глава 4. Анастасия	16
Глава 5. Сандро	20
Глава 6. Сандро	23
Глава 7. Анастасия	26
Глава 8. Анастасия	29
Глава 9. Сандро	33
Глава 10. Сандро	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рина Сивая

Куколка для Джокера

Вместо скучного предупреждения честный разговор на берегу

Дорогой читатель! Ты открываешь книгу, где главный герой редкостная скотина. Seriously, Сан такой: матерится как сапожник, спит со всем, что дышит (и не очень), подставляет, унижает, провоцирует и делает все, чтобы ты хотел запустить в него книгой. В конце он, да, исправится. Но только к главной героине. К остальным нет, извините, чудес не бывает.

Здесь будет жестоко. Кто читал «Кинжал» и «Корону» тот в курсе, к чему готовиться. Кто не читал советую морально подготовиться или сначала ознакомиться. Я не предупреждаю, я просто набрасываю спасательный круг.

Про 18+. У нас бабник и владелец борделя, так что постельные сцены будут. Красивые, с огоньком, но простите - не порно. Я такое писать не умею, да и не хочу. Все, что нужно для сюжета, остальное додумайте сами.

Также в тексте мелькают наркотические и психотропные вещества, курение и алкоголь в недетских дозах. **Автор за ЗОЖ, ничего не одобряет и не пропагандирует.** Герои сами себя ведут, я тут просто стенограф.

А теперь главное: история будет огненной, нервной, иногда бесячней, но клянусь не скучной. Сан доведет тебя до ручки, а потом ты поймешь, почему все было именно так.

Приятного чтения. И держитесь там.

Пролог

Серьезно? И ты пришла с этим бредом ко мне?

И этот придурок... заржал. Именно заржал. Не засмеялся, не усмехнулся, а откинул голову назад и расхохотался так мерзко, так самодовольно, что у меня внутри все скрутило от злости.

Ненавижу его! Вообще всех Орсини ненавижу! Самовлюбленные, мерзкие, сами себе на уме, конченные...

Господи, даже для твоей блондинистой головы это какой-то перебор, куколка! отсмеявшись, заявил Сандро, едва ли не вытирая слезы из глаз.

Я собрала в кулак все свое благоразумие, все остатки выдержки, чтобы не сорваться на Джокера криком и обвинениями, и как можно более дипломатично произнесла:

Послушай, Сандро. Я понимаю, что это звучит как бред, и что ты наверняка

Но он снова перебил. Его смех оборвался так резко, будто кто-то перерезал натянутую струну. Улыбка исчезла, а холодные серые глаза стали метать уже не молнии кинжалы.

Понимаешь? опасно низким голосом прошипел Мещино. Уверена, куколка?

Он смотрел на меня так, что по спине поползли липкие, омерзительные мурашки самого настоящего страха. Глядя на Сандро, слишком легко было забыть, кем он на самом деле был. Его дорогой костюм, расслабленная поза, образ прожигающего жизнь хозяина борделя создавали опасную иллюзию, что этот слишком уверенный в себе мужчина такой же, как все.

Но это не так. Он не просто мудака, подлец и скотина. Он убийца, насильник и умелый манипулятор. А в этом месте похоти, порока и грязного секса он и вовсе царь и бог. Если он только захочет, я никогда не выйду отсюда живой.

Никогда.

И моя дочь останется одна.

Поэтому я прикусила язык, чтобы не провоцировать хищника на атаку. Но, кажется, уже было поздно.

Уверена, что понимаешь, что именно ты сделала два года назад? еще более пробирающим до костей голосом произнес Джокер и одним плавным движением оказался на ногах. Мне сразу же захотелось вскочить и бежать, но страх уже сковал мышцы чем-то посильнее цепей. Я онемела, как кролик, застывший перед ядовитой коброй. А я напомним. Ты. Подставила. Нашу. Тень.

Каждое слово сопровождалось шагом навстречу. Расстояние было небольшим всего-то стол между нами, но Сандро умудрился растянуть эти несколько шагов в настоящую казнь.

Ты сбежала от Стального Дона. Ты два года держала нас за идиотов. А что теперь?

Он замер точно передо мной: высокий, опасный, пугающий до чертиков. А я все еще не могла пошевелиться только задирала лицо, чтобы смотреть монстру в глаза.

Но ему этого показалось мало.

А теперь, Сандро выкинул вперед руку и вцепился в мои волосы на затылке, стягивая их и вынуждая запрокинуть голову еще сильнее до боли и выступивших на глазах слез. А теперь ты вылезла из небытия, маленькая русская сучка, и смеешь что-то требовать сначала от Данте Орсини, а потом еще и от меня?

Его пальцы причиняли боль, но хуже было от взгляда, который безошибочно давал мне понять: я ошиблась. Ошиблась в тот самый момент, когда решила прийти сюда.

Сандро Мещино по прозвищу Джокер никогда бы мне не поверил. Даже приди я сюда вместе с медицинской комиссией.

Пусти! я попыталась дернуться, но вышло только хуже: мужчина не ослабил хватку, и боль полоснула еще сильнее. Мне... больно...

Он улыбнулся гадко, мерзко, как улыбаются только отъявленные маньяки. И склонился ниже.

Мне. Насрать. Куколка!

Я слотнула. Он заметил и улыбнулся еще шире.

Дошло-таки, а, малыш? Сандро явно наслаждался происходящим: моим страхом, своей властью. Его вторая рука легла на мою щеку, поглаживая почти нежно, и этот контраст с захватом на затылке вынуждал меня дрожать еще сильнее. Да, сладкая. Ты вся, целиком и полностью, в моей власти. Я бы мог сейчас свернуть тебе шею на радость Данте. Или подарить тебя Трис. О, уверен, она будет рада показать тебе свои подвалы!

Я понимала, что это были не пустые слова Меццино с легкостью мог сделать и то, и другое. Если бы у меня был выбор, я бы выбрала смерть это хотя бы быстро, в отличие от того, что ждало меня в застенках палача Орсини.

Подружками с Беатрис мы никогда не были. А врагами кажется, быть и не переставали.

Или, может, оставить тебя себе? тихо, почти шепотом произнес Сандро, и его большой палец проскользил по моим губам не нежно, как любовник. Жестко, надавливая до боли и размазывая помаду. Взгляд при этом оставался ледяным, но оттенки сменились. Стали более похотливыми. Эти губки я помню, как хорошо они смотрелись на моем члене. Что скажешь, куколка? Сделать из дочери Ворона свою личную шлюху. По-моему, это звучит крайне соблазнительно.

Я замерла в его руках. Весь ужас собственной глупости обрушился на меня ледяным параличом.

Смерть. Я все еще выбирала смерть.

Но, кажется, теперь у меня не было никакого выбора.

Глава 1. Анастасия

Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах сияла неприкрытая похоть. Темная, жадная, почти осязаемая. А улыбка вышибала все мысли из головы, кроме одной:

Я правда сделаю это пересплю с незнакомцем.

Я сама его выбрала. Видела, как он пожирал меня глазами, пока я танцевала. Как раздвигал меня мысленно, ничуть этого не стесняясь. В обычной жизни я ненавидела таких мужчин самоуверенных, наглых, привыкших получать желаемое. Тех, от кого у нормальных девушек должен срабатывать инстинкт самосохранения.

Но сегодня я проживала не свою жизнь.

Сегодня во мне алкоголь много алкоголя. И решимость хотя бы на один вечер почувствовать себя свободной. Не правильной. Не удобной. Не чьей-то хорошей девочкой.

Завтра меня снова запрут в клетку, а сегодня я сама себе хозяйка.

Поэтому я первой к нему подошла, не стесняясь сидящих рядом с ним мужчин. Пригласила потанцевать, но он отказался сказал, что не танцует.

Но я могу угостить тебя коктейлем, куколка, произнес он с ухмылкой, выдающей все его планы на мое тело с головой.

Хорошо, что эти планы у нас совпадали.

Через десять минут я уже ерзала на мужских коленях, а чужой язык хозяйничал у меня во рту. Широкие ладони успели изучить каждый сантиметр моего тела и теперь беззастенчиво мяти грудь, стянув топ вниз. Незнакомца не волновало, что буквально в полуметре сидели его друзья, а меня у меня все еще была только решимость. И алкоголь. И желание хоть раз поступить по-своему.

Музыка гремела где-то далеко, свет мигал сквозь опущенные ресницы, а мир сузился до жестких ладоней, крепких бедер и этого бесстыдного, пьянящего ощущения, что сегодня мне можно все.

Пойдем-ка, сладкая, в какой-то момент прошептал мне на ухо мужчина, легко поднимаясь вместе со мной на ноги.

Он был такой сильный! Хотя на вид угадать под его пиджаком и рубашкой крепкие мышцы было нельзя. И все же он с легкостью протащил меня через весь зал ночного клуба, пока я висела на нем, как обезьянка. Я облизывала и прикусывала его шею мне безумно нравился его запах терпкий, мужской, смешанный с дорогим алкоголем и чем-то опасным, от чего у меня внутри сладко стягивало низ живота. Обводила языком ушную раковину в такие моменты его пальцы до боли впивались в мою задницу, прижимая к твердому паху. Целовала колючий подбородок, и этот тип довольно скалился, называя меня «горячей куколкой».

Плевать, как он будет меня звать. Главное получить удовольствие.

Куда он меня привел, я так и не поняла да он и не дал осмотреться. Открыл дверь пинком, пинком ее закрыл, а уже через секунду к ней же прижимал меня. Слишком быстро, слишком жадно, будто он боялся потерять и минуту.

Знаешь, чего я хочу, малыш?

Я надеялась, что секса. Так и оказалось, но

Он разжал руки, и я буквально упала к его ногам. Мои меня не держали, и острые шпильки подогнулись, заставляя рухнуть на колени. Было больно, но алкоголь и желание приглушали ощущения.

Давай, куколка. Сделай папочке приятное.

Он не сказал больше ничего, но я каким-то шестым чувством поняла и потянулась к ремню на его брюках. Меня потряхивало от выпитого, от происходящего или от страха, уже не знала. Но губы сохли, и мне хотелось их облизать. И не только их.

Я не очень опытная в сексе. Все мои парни были слишком напуганы моим статусом, чтобы позволять себе большее, и, если бы не колледж, в котором я училась под вымышленной фамилией, так бы и ходила до двадцати девственниц.

Но этой ночью я не была робкой Анастасией. Я была коварной соблазнительницей Стейси, которая не собиралась отказывать мужчине, что смотрел на меня таким диким, голодным взглядом, будто уже решил, что я его.

Мне кажется, я могла бы кончить только от этого.

Пряжка поддалась легко, словно сама хотела свободы. Молния опустилась вниз, и на этом мое участие в раздевании закончилось мужчина резко дернул брюки и трусы, обнажаясь, а его рука уже притягивала меня за затылок.

Будь хорошей девочкой, не попросил, а приказал он, и мне оставалось только приоткрыть губы.

Все остальное он делал сам, легко задавая темп своей ладонью в моих волосах, которые стягивал так сильно, что глаза запекло. Или дело было в том, что меня банально имели в рот, не спрашивая ни разрешения, ни мнения?

Господи, знал бы папочка, что сейчас делали с его принцессой!

Но он не узнает. Никогда.

Я давилась размером, слезами и слюнями. Заходила в кашле, когда нахал давал мне передохнуть. А потом он снова врывался внутрь, начиная свою странную пытку, от которой у меня между ног становилось мокро.

Хищник, которого не волновали желания жертвы. Хищник, которого я выбрала сама.

Я потеряла счет времени. Челюсть сводило, колени саднило, в голове пустота. Но распутной Стейси нравилось. Быть использованной, грязной, порочной. Шлюхой. Нравилось растворяться в этом унижительном жаре, в этой темной роли, которую приличная Настя никогда бы на себя не примерила.

Мужские бедра последний раз двинулись навстречу и резко отстранились. А меня, точно куклу, дернуло вверх.

Ты везде такая горячая, а, куколка?

Моя юбка оказалась задрана до пояса, топ до него же стянут вниз, и хорошо, что вырез внахлест позволял это сделать безболезненно. Но я об этом даже не подумала не успела, настолько быстро мои трусы оказались сдвинуты в сторону.

Глава 2. Анастасия

Я закричала. Не от боли, хотя приятного в таком жестком вторжении было мало. От нахлынувшего оргазма. От ощущения наполненности. От сбывшегося желания. Меня накрыло так резко, будто внутри что-то вспыхнуло и ослепило все вокруг.

Я. Это. Сделала. Поставила галочку, которая будет согревать меня долгими замужними вечерами в чужом доме.

Да-а-а, кричи, зайка, кусая мою шею, улыбался сегодняшний волшебник, не переставая двигаться во мне. Обожаю громкоголосых шлюх!

Он двигался так, словно хотел пробить меня насквозь. Каждый толчок жесткий и глубокий, на всю длину. Моя спина билась о дверь, к которой незнакомец меня припечатал, и где-то на периферии сознания я слышала, как глухо стучал затылок о дерево. Но я не чувствовала боли. Только его. Только то, как он заполнял меня целиком, не оставляя места для воздуха, для мыслей, для той Анастасии, которая завтра снова наденет маску послушной дочери.

Эта девочка исчезла. Растворилась в жаре, в хриплом дыхании, в грубых руках на моем теле.

Его пальцы впились в мои бедра, наверняка оставляя синяки. Он держал меня так, словно я могла сбежать. Словно мне было куда бежать от этого бешеного, животного ритма, который он задавал. Мои ноги обвили его талию, но это не было лаской, это было инстинктом утопающего: я цеплялась за партнера, потому что иначе сползла бы вниз, потому что мышцы отказали, а в голове была только одна пульсирующая, стыдная, ослепительно яркая точка наслаждения.

Смотри на меня, прорычал хищник, перехватывая мой подбородок.

Я попыталась открыть глаза, но перед ними плыло. Алкоголь, оргазм, который никак не хотел отпускать, и его лицо красивое, но опасное, с прищуренными глазами расплывалось в золотистом мареве. Он казался мне почти нереальным: не мужчиной, а ожившей темной фантазией, которой нельзя было касаться, но я уже сгорела в ней дотла.

Я сказал, смотри!

Он сжал челюсть сильнее, и я послушалась. В его зрачках не было ничего, кроме темноты. И моего отражения. Растрепанной, с размазанной тушью, с припухшими губами, из которых он только что вытрахал все приличия.

Нравись себе такой? он усмехнулся и ускорился. Жестче. Глубже. Так, что я вскрикнула, и этот крик перешел в хриплый, сдавленный стон. Он будто чувствовал, где заканчивается мое сопротивление и начинается то темное, жадное удовольствие, в котором мне страшно было себе признаться.

Он зарычал в ответ. Звериный, низкий звук, от которого у меня взорвалось все внутри.

Его рука скользнула с моего подбородка на шею. Не сжимала. Просто лежала, ощущая пульс, который бился где-то в горле, под его пальцами. Контроль. Полный, тотальный контроль над каждым моим вздохом.

Он мог придушить меня в любую секунду, и это было божественно.

А теперь, его голос стал тише, но от этого только страшнее, покажи, какая ты грязная сучка.

Я не поняла, что он имел в виду, пока он не выскользнул из меня. Резко, без предупреждения, оставляя пустоту, которая сразу же заболела. Я дернулась вперед, инстинктивно ища продолжения, и он рассмеялся. Коротко, хрипло. Так, словно заранее знал, что я уже не смогу остановиться.

Надо же, какая голодная куколка!

Он развернул меня, не спрашивая, не давая опомниться. Мое лицо впечаталось в дверь, грудь в холодное дерево, а он задрал мою юбку еще выше, оголяя ягодички, и вошел снова. Сзади. Еще глубже. Еще жестче.

Я вцепилась ногтями в деревянную поверхность, пытаюсь найти опору, но он держал меня за бедра, задавая такой темп, что я просто не могла дышать. Каждый толчок выбивал из меня сдавленный звук не то стон, не то всхлип. Я чувствовала себя животным. Самкой. Сукой. Вещью, которую трахают у двери, и это унижение отзывалось внизу живота новой, липкой волной жара.

Он наклонился ниже, кусая мое плечо, впиваясь зубами так сильно, что я дернулась. Но ему было все равно. Он всаживался в меня снова и снова, и каждый удар его бедер отзывался во мне чем-то первобытным, инстинктивным, тем, что было запрещено во всей моей идеальной, распланированной жизни.

Кончи для меня, приказал он, и его голос был таким же ровным, как если бы он просил подать ему стакан воды. Сейчас же.

Я не могла. Или думала, что не могу. Но его рука скользнула вперед, нащупала клитор, и мир взорвался.

Я кричала. Или нет? Я не слышала себя. Только его хрипкое дыхание у уха, только ритм, который стал сбивчивым, только то, как он выгнулся, входя в последний раз резко, глубоко, до основания.

Он кончил внутрь. Не спрашивая. Просто взял то, за чем пришел.

Несколько секунд мы стояли так, прижатые друг к другу, тяжело дыша. Мои ноги дрожали, спина была мокрой, и где-то между лопаток я чувствовала, как бешено колотилось его сердце. Или мое.

Потом он отстранился. Просто сделал шаг назад, и я, лишенная опоры, сползла по двери вниз, садясь на пол. Моя юбка осталась задрана на поясе, трусы ничего не прикрывали, и я даже не пыталась это исправить.

Я смотрела на него снизу вверх. Он натягивал брюки, не глядя на меня. Поправил ремень. Провел рукой по волосам, приводя себя в порядок после того, что только что сделал со мной. После чего развернулся и подошел к столику в углу, чтобы через пару секунд вернуться, сжимая в одной руке бутылку с водой, а в другой пробку.

Я думала, что это пробка.

Открой-ка ротик, красивая, почти ласково попросил незнакомец, и я послушно выполнила, не понимая, чего еще он от меня хочет.

На язык легло что-то белое и круглое, горькое, что-то, что почти сразу смылось водой.

Глотай! а этот приказ был в стиле хозяина: бескомпромиссный. Но сглаженный куда более мягким: Мы же не хотим, чтобы эта ночь имела последствия.

Я не понимала, о чем он просто глотала воду, пока мужчина прижимал к моим губам бутылку, а подбородок держал задраным наверх. От выпитого меня начало тошнить, но он не отпустил, пока последняя капля не попала мне в рот.

Умница! его похвала бархатным одеялом опустилась на плечи. А теперь приводи себя в порядок и проваливай!

Я не запомнила, как выполнила и это его желание. У меня перед глазами все кружилось и вертелось, руки не слушались. И лишь когда рядом раздалось взволнованное «Настя, где ты была?!», я поняла, что стояла у барной стойки, где меня ждали подружки.

Господи, сколько ты выпила? причитала Елена, подхватывая меня под одну руку.

Ее отец нас убьет! простонала Мария, но все-таки приобняла меня за талию, поддерживая с другой стороны. Все, хватит на сегодня. Погнали отсюда!

Они меня потащили вероятно, на выход. Я не понимала. Не видела. Не осознавала. Между ног все еще пульсировало, грудь и щеки, шея горели от поцелуев и чужой щетины, а по внутренней стороне бедер что-то стекало.

Мамочки, он же в меня кончил! Как же это было

Порыв свежего воздуха стал последней каплей для моей тошноты: я едва успела оттолкнуть девчонок, прежде чем меня вывернуло прямо на асфальт перед клубом. Елена запричитала и полезла в сумку за салфетками, кажется. Мария склонилась ниже, чтобы придержать мои волосы.

Настя! Ты что-то принимала? спросила она, разглядев в рвотных массах неперевавленную таблетку.

Но я не ответила: мое ошалевшее сознание отключилось, заканчивая ночь дикой свободы.

По крайней мере я думала, что на этом все закончилось. Но...

Глава 3. Анастасия

Сидеть в пустом ресторане под тяжелыми взглядами замерших у барной стойки официантов было неприятно. Кто-то из них смотрел с жалостью, кто-то – с откровенным интересом, некоторые – со скукой. Конечно, ведь в новой мне сложно было увидеть кого-то, достойного большего.

А ведь я одела лучшую из своих блузок! Что в сочетании с выцветшими от старости джинсами смотрелось все равно убого.

Когда-то я носила только брендовые шмотки, обедала в лучших заведениях города, а передвигалась на автомобиле бизнес-класса с личным водителем и парочкой охранников. Сейчас за моей спиной так же замерли двое телохранителей, но охраняли они не меня.

Охраняли они того, кто только должен был прийти. И следили, чтобы я не сбежала раньше времени.

Марко Вителло, как и обещал, устроил мне встречу с доном Орсини. Я пришла на нее заранее, и это было ошибкой – если бы опоздала, не пришлось терпеть эти унижительные минуты ожидания под надзором. Но менять что-то было уже откровенно поздно, поэтому я сидела за столом, за который меня усадили, и делала вид, что ничего особенного со мной не происходило.

Подумаешь, встреча с главным бандитом Санта-Люминии! Я, вообще-то, за ним замужем.

Ровно в двенадцать ноль-ноль и не секундой позже черный джип остановился перед входом. Первым, как и водится в таких случаях, вышел охранник – Орсини называли их «Кустоди» – и открыл пассажирскую дверь для своего босса. Данте выбрался наружу, поправляя пиджак. За эти два года он вообще не изменился: такой же внушительный, мрачный и холодный. Почти все мои бывшие подружки считали его обольстительным опасным мачо, но из всех этих определений я могла согласиться только с одним.

Данте Орсини был опасен. Пожалуй, даже больше, чем мой отец. Поэтому, видимо, Стальной Дон жив, а папа – нет.

Он вошел внутрь уверенным шагом человека, которому принадлежал весь мир. Сразу взял нужный курс, не выискивая меня стальными глазами – знал, где я сидела. И с каждым шагом, сокращавшим между нами расстояние, внутри меня все стягивалось в тугую комок. Этой встречи я откровенно боялась – в конце концов, сбегая от похитившей меня Триады, я сбегала и от своего мужа. Могла бы прийти к нему за помощью, но

Я была уверена, что справлюсь. Как показало время, ошиблась.

И теперь мне предстояло признаться в этом не только себе, но и человеку, который одним кивком мог приказать своим псам застрелить меня. Посреди дня, посреди ресторана, на глазах у кучи свидетелей. И ему за это ничего не будет.

— Удивлен, — хмыкнул дон Орсини, опускаясь напротив. — До последнего не верил, что русская принцесса сама решится показаться мне на глаза после того, как так упорно пряталась столько времени.

Его выпад я проигнорировала – изначально понимала, что дружелюбной наша беседа не будет.

— Здравствуй, Данте.

Я хотя бы попыталась быть вежливой. Он – нет.

— Ближе к делу, у меня мало времени.

Разумеется, у него всегда мало времени – я это еще за недолгие месяцы нашего брака уяснила. На меня, например, у него даже минуты лишней не находилось. Даже ночью.

Впрочем, тут все объяснялось достаточно просто: Данте было, кому уделять свое мужское внимание. Это просто была не жена.

Два года назад подобное пренебрежение меня задевало. Сейчас наверное, я была этому рада.

— Я хочу вернуться в семью, — ответила я так, как он и просил: максимально близко к делу.

Орсини замер. На секунду.

— Что, прости?

В его глазах самый откровенный шок, будто я предложила ему раздеться, залезть на стол и прокукарекать.

— Я хочу занять то положение, которое дает мне статус твоей жены, — четко выговаривая каждое слово, произнесла я, откидываясь на спинку дивана.

Я очень старалась выглядеть уверенной и спокойной, но все мои внутренние настройки разбились о резкое, даже злое:

— Нет.

Так не говорят, когда хотят отказать. Так говорят, когда за одно только озвученное предложение хотят вцепиться тебе в глотку.

По моей спине побежали холодные мурашки.

— Ты не можешь мне отказать, — я заставила голос не дрожать, хотя плохое предчувствие уже начинало потрясывать меня изнутри. — Я

— Понимаешь ли, в чем дело, Анастасия, — перебил меня Орсини. Его тон оставался нейтральным, но в глазах – в них целая буря, не предвещавшая мне ничего хорошего. — У тебя нет никакого статуса, чтобы требовать у меня хоть что-то.

— Но — я снова попыталась протестовать, но кто бы меня слушал.

— Потому что ты мне не жена, Анастасия, — с нажимом и мрачным удовлетворением произнес Орсини то, что я в целом готова была услышать. Но последовавшее уточнение заставило замереть теперь уже меня: — Мы официально в разводе. Уже почти два года.

Смысл сказанного не сразу до меня дошел. Я, конечно, предполагала, что наш брак для Данте был чистой формальностью, но по той же причине верила, что дону плевать, на ком он по документам женат.

Это, если честно, было моим основным аргументом.

— Но я не давала никакого согласия!

Жалкое оправдание – для человека с возможностями Орсини чье-то согласие (или несогласие) никогда не имело значения. Если он захотел развестись, ему достаточно было дать команду своему юристу, а дальше – любой удобный вариант: признать меня мертвой, подделать подпись, подкупить судью.

Я это понимала – умом. Но внутри меня зрел не протест – паника. Ведь я теряла огромный рычаг давления на дону Орсини, значит, мои шансы на помощь резко сокращались.

— Видишь ли, Анастасия, — усмехнулся Данте. Он чуть отодвинулся от стола, опираясь лопатками на высокую спинку дивана, и посмотрел на меня с откровенным превосходством. — Формально ты его дала, потому что вместе с документами на заключение брака подписала еще и бумаги на его расторжение. Так бывает, когда ты не читаешь, что подписываешь.

Черт. Он был прав: в тот день – первый после нашей свадьбы – я действительно подмахивала все, что мне подсовывал поверенный Орсини, с одной только мыслью: лишь бы уйти из кабинета поскорее.

Находиться рядом с Данте мне было тяжело. До сих пор.

— Так что, — продолжил дон, не обращая внимания на мое растерянное состояние и судорожные попытки придумать что-то еще, — если на этом у тебя все

— Я – мать твоего ребенка!

Я не очень хотела этим кичиться, но дочь – мой последний козырь. Она – наследница Орсини, отмахнуться от нее просто так Данте не сможет.

Но он даже не удивился, когда я бросила ему в лицо такую бомбу.

— И снова нет, Анастасия.

К этому противостоянию я тоже была готова, поэтому сразу выдала скороговоркой:

— Я была на втором месяце, когда Триада меня похитила! Если не веришь мне, можешь спросить у Валерии Ривас и

— И Беатрис, которой ты так неразумно лягнула ту же ересь, — закончил за меня Данте. И, не давая среагировать на его скепсис, добавил: — Кстати, знаешь, что с ней случилось после этого?

Я не знала. С того момента, как меня из переулка затащили в фургон, я не слишком интересовалась судьбой Беатрис Каstellи. Она, конечно, пыталась меня защитить, но одна против пятерых, когда из оружия – только кинжал

Наверняка ее не ждало ничего хорошего, но это – ее проблемы.

— Она умерла.

Глава 4. Анастасия

Это было неожиданно. Несмотря на то, что отношение к этой женщине у меня было скорее негативное, чем нейтральное (ведь именно она была любовницей моего мужа), а смерти ей я не желала. Тем более за меня.

— Мне жаль, — произнесла со всей доступной мне искренностью.

Которую Орсини словно и не заметил.

— Четыре минуты, — слишком спокойно для человека, чья любимая женщина скончалась, произнес Стальной Дон. Но сразу же расставил все по своим местам: — Трис умерла на четыре минуты. На твоём месте я бы поблагодарил врачей, которые спасли её жизнь, ведь иначе я достал бы тебя из любой норы и заставил заплатить за её смерть.

Меня пробило мурашками. Если ещё секунду назад я удивлялась спокойствию Орсини, то сейчас со всей ясностью понимала, что он просто слишком хорошо себя контролировал. Но эти слова уже ничего не скрывали: ни его ненависти, ни готовности исполнить угрозу.

— Рада, что с Беатрис все хорошо, — просипела я, жалея, что на столе передо мной не стояло хотя бы стакана с водой.

Заполучить в смертельные враги Данте – самая большая глупость, которую я только могла совершить.

— Мне насрать, — отрубил он, и я ему поверила. — Проблема в том, Анастасия, что ты наплела ей ту же хрень, которую пытаешься впарить сейчас мне. Но если Трис не могла знать подробностей, то уж я-то был в спальне в ту ночь, когда ты стала моей женой. И я точно знаю, что единственный вариант, при котором ты могла бы залететь от меня – это непорочное зачатие.

Я не сразу поняла, о чем именно говорил Данте: мозг просто отказывался воспринимать информацию, в которой отец моего ребенка вдруг говорил, что он не отец?

— Это бред, — я даже затрясла головой, не желая соглашаться. — Я забеременела после ночи с тобой!

— Тебе преподать краткий курс биологии? — рыкнул Орсини. Я решила придержать обвинительные интонации при себе. — Беременность наступает только в том случае, когда сперматозоиды встречаются с яйцеклеткой. А мои в ту ночь остались при мне.

Я смотрела на него и не понимала. Просто не понимала.

Слова Данте звучали четко, без малейших сомнений. Он не оправдывался, не увиливал, не пытался от меня отделаться красивой ложью. Он говорил как человек, который точно знал, что произошло. И именно поэтому мне становилось так страшно.

Потому что я тоже была уверена, что знала.

— Нет, — выдохнула я, чувствуя, как немели пальцы. — Нет. Этого не может быть.

Я считала. Снова и снова, бессонными ночами, пока Луна спала рядом в своей кровати, а я смотрела в потолок и прокручивала в голове даты. День свадьбы. Первые недели брака. Тошнота. Задержка. Осмотр в больнице Орсини. Все сходилась. Все!

Или мне только казалось, что сходилась.

— Я точно знаю, когда забеременела, — упрямо произнесла я, хотя голос уже дрожал. — Я не могла ошибиться!

Орсини подался вперед. Медленно. Опасно.

— Могла, — отрезал он. — И, судя по всему, именно это ты и сделала.

Я вцепилась пальцами в край стола, будто он мог удержать меня на месте, когда пол под ногами уже трещал.

Нет. Нет. Нет.

Я не могла ошибиться.

Не могла же?

У меня ведь не было никого. До Данте. После Данте. Никого, кто имел бы значение. Никого, кого я вообще готова была учитывать в этой истории.

Но словно в насмешку, в памяти мелькнула темная комната, дверь, впечатавшаяся в спину, грубые руки, хриплый голос, чужой смех.

«Мы же не хотим, чтобы эта ночь имела последствия».

Меня будто ледяной водой окатило.

Нет.

Невозможно.

Он же дал мне таблетку. Я помнила ее. Глотала. Меня потом вырвало, но...

Но ведь этого не могло быть достаточно, правда?

— Анастасия, — голос Данте хлестнул по нервам, возвращая в реальность. — Даже не пытайся сейчас соорудить из себя оскорбленную невинность. Мне плевать, с кем ты трахалась до, после или во время нашего брака. Но вешать на меня чужого ребенка ты не будешь.

Чужого. Это слово прозвучало так, будто Орсини отвесил мне пощечину.

— Она не чужая! — сорвалась я раньше, чем успела подумать. — Она моя дочь!

— Но не моя.

Сказано было спокойно, почти скучающе. И от этого у меня внутри все оборвалось.

Я ждала злости, крика, угроз. Чего угодно, кроме этой чудовищной уверенности. Она ломала меня куда сильнее, чем если бы Данте просто обозвал лгуньей.

— Но сроки... — прошептала я, уже не ему, а себе. — Я считала...

— Тогда считай заново, — холодно бросил он.

Я подняла на него взгляд и в ту же секунду пожалела. В глазах Орсини уже не было ни раздражения, ни насмешки. Только ледяная, вязкая ярость. Та самая, которая убивает.

— Послушай меня внимательно, Барби, — тихо произнес он, и от этого деланного спокойствия по спине побежали капли пота. — Я бы с огромным удовольствием приказал закопать тебя где-нибудь за городом уже только за то, что ты снова появилась в Санта-Люминии и полезла в мою жизнь.

Я застыла. Это была не фигура речи и не попытка напугать, хотя я и так дрожала от ужаса.

Данте констатировал факт. Если он захочет — я умру в ту же секунду. Такие расклады теперь в Санта-Люминии после смерти единственного человека, который мог бы меня защитить: моего отца.

— Думаешь, я забыл, из-за кого Трис едва не умерла? Думаешь, мне приятно смотреть на тебя и вспоминать весь тот бардак, который ты после себя оставила? — его губы искривились. — Ошибаешься.

Каждое слово будто вгоняло гвоздь в крышку гроба, в котором я лежала живая.

— Но сегодня, — продолжил он все тем же мертвенно-ровным тоном, который никак не сочетался с бурей в глазах, — я узнал хорошую новость. У меня будет сын.

Я моргнула. Раз. Второй.

Сын?

На несколько секунд смысл услышанного вообще не уложился в голове. А потом до меня дошло кое-что еще, куда более важное.

Не просто сын. Наследник Орсини. Значит, у Данте была женщина, которая носила его ребенка.

Взгляд невольно скользнул на руки Стального Дона, и я увидела — нет, не кольцо. Нечто намного более кричащее.

Татуировку кольца.

Мужчина словно прочитал все мысли по моему лицу и едва заметно оскалился.

— Так что считай, тебе повезло, — произнес он. — Несмотря на необходимость разговаривать с тобой, у меня хорошее настроение. Поэтому ты выйдешь из этого ресторана на своих ногах.

У меня пересохло во рту.

— Данте...

— Не перебивай.

Он даже не повысил голос. И все же я послушно замолчала.

— Ты исчезнешь из Санта-Люминии, — отрывисто приказал Орсини. — Сегодня. Максимум – завтра утром. Заберешь свою девчонку, свои тряпки, свои несбыточные фантазии и уберешься так далеко, чтобы мое имя больше никогда не звучало рядом с твоим.

Я судорожно сглотнула.

— А если нет?

Вопрос вырвался сам. Глупый, лишний и очень, очень опасный.

Но Данте все равно ответил.

— Тогда я закончу то, что должен был сделать еще два года назад.

Сердце ударилось о ребра так сильно, что стало больно.

Он поднялся из-за стола, и я невольно вжалась в спинку дивана. Огромный, мрачный, безупречно одетый. Не мужчина – приговор.

— И еще кое-что, — бросил он, глядя на меня сверху вниз, пока застегивал свой пиджак. — Если я хоть раз увижу тебя рядом с моей женой, ты пожалеешь, что вообще родилась на свет.

Женой.

Не любовницей. Не невестой. Не очередной фавориткой, которых у таких мужчин всегда хватало.

Женой.

Я так и замерла, пока это слово медленно впивалось в сознание, подтверждая то, что я и сама уже увидела: Данте женат.

А я даже не знала, на ком именно.

Орсини больше ничего не сказал. Просто развернулся и пошел к выходу, а его люди, как тени, двинулись следом. Через несколько секунд тяжелая дверь ресторана закрылась за ними, оставляя меня одну среди чужих взглядов, звона посуды и собственного рушащегося мира.

Я сидела неподвижно, не чувствуя ни рук, ни ног.

Луна не дочь Данте.

У Данте будет сын.

У Данте есть жена. И... татуировка.

Какова вероятность, что изображение на своем теле Орсини оставил во имя той женщины, на теле которой и сам любил оставлять рисунки?

Стопроцентной. Я даже не сомневалась.

Данте Орсини женился на Беатрис Каstellи. Той, что на четыре минуты умерла, потому что защищала меня после того, как я заявила ей, что беременна от Стального Дона.

Боже. Если я права...

Лучше бы Орсини меня убил. Потому что если до меня доберется его Тень... смерть станет для меня несбыточной мечтой.

Глава 5. Сандро

На городском кладбище было слишком солнечно. Словно сама природа радовалась тому факту, что Лучия Орсини перестала травить воздух своими сигаретами.

В толпе говорили, что она умерла тихо во сне – счастливая старушка. О ней вообще много хорошего говорили – щедрый меценат, просвещенная женщина, добрая душа.

Просто никто из этих прихлебал не знал, какой конченной сукой была Ла Стрига.

Она торговала детьми, как туалетной бумагой по распродаже.

Она подставляла своих же, потому что ей это было выгодно.

Она переигрывала всех и вся, потому что как паучиха оплела весь город своей паутиной и только и делала, что пожирала наивных жертв, залезших куда не надо.

Гребанная Ведьма.

Я ей восхищался.

Не вслух, конечно – больно много чести. Но не мог не признать: столько лет прятать свое гнилое нутро за маской достопочтенной вдовы – это охеренно.

А теперь она сдохла. И мне ее было совсем не жаль.

Когда-то именно с нее началась новая глава в истории Дома Орсини. Если бы Ла Стрига дохрена лет назад не продала бывшему дону десятку сироток, хоронили бы ее сейчас только работники кладбища.

А так – только посмотрите: здесь весь город. Даже придурок-мэр прислал букет цветов.

И Орсини, конечно. Мы здесь все.

Данте стоит с каменным лицом, не выражающим вообще ничего, и со стороны может показаться, будто бы для него это не похороны, а повседневная рутина. Но если кто из присутствующих искренне горевал по Лучии, так это он. Стальной Дон возвысил свою тетку, дав ей такую власть, которой не было ни у кого из нас, а она ему за это отплатила преданностью. Будь иначе, я стал бы первым, кто ее грохнет.

Хотя подождите-ка! Я же и стал.

Беатрис прятала глаза за солнечными очками, но весь ее вид говорил о том, что она с радостью бы оказалась сейчас в любом другом месте. Дома. В торговом центре. В собственном подвале – идеальный вариант. Но туда Данте закрыл ей вход, пока его жена не родит ему сына. Осталось подождать всего-то несколько месяцев.

Марко в компании своей Фиалки – и вот эта дурочка реально плакала. Тихо, беззвучно, периодически вытирая слезы. Как любила говорить Трис: наивный Цветочек. Как за столь недолгий срок она умудрилась проникнуться к старой Ведьме жалостью? Без понятия. Но Алисия даже пыталась уговорить старуху лечиться, хотя все понимали, что уже поздно. И теперь стояла, глотала слезы, будто это ее бабулю опускали в землю.

— Напомни, какого черта мы здесь делаем?

Нико изображал из себя скучающего подростка. Руки в джинсах, во рту – жвачка, на майке – надпись о том, что ему на всех похер. Спасибо, что надел черное – иначе Данте его точно пристрелил бы.

Пилот также не испытывал никакого удовольствия от текущего времяпрепровождения. Как и все мы.

— Данте говорил что-то про долг, семейность и то, что позволит Трис тренироваться в метании кинжалов на нас, если мы тут не объявимся.

Потому что Орсини – это клан. Единый, неприступный и смертельный для тех, кто смеет разевать на нас рот.

И обязанный радовать своего дона Орсини. Чтобы не нарваться на недовольство его жены.

Клянусь, беременная Трис стала еще более невыносимой, чем раньше. У нее и раньше были проблемы с чувством юмора, но теперь она растеряла даже те крохи, что умудрялась в себе носить.

Видимо, передала все наследнику Данте. Я очень, очень на это надеюсь.

В прошлый раз за ужином, когда мы с Нико вскользь порадовались, что проходы виллы достаточно широкие, чтобы помещалось не только самомнение Орсини, но и живот его жены, эта стерва просто метнула в нас два ножа: свой и отобранный у Данте. Спасибо, что это были столовые ножи, а не метательные, иначе наши шкурки получили по паре новых дырок.

А до этого Тень сагрилась на то, что мы назвали Марко садоводом.

— Тогда ты, Клоун, должен быть лепидоптерологом, — заявила она с таким лицом, будто мы все знали, что это значит. — Хочешь, буду называть тебя только так?

Мне пришлось гуглить это долбанное слово, прежде чем ответить. А пока я это делал, острота момента уже ушла.

Ненавижу чувствовать себя дураком.

Но сегодня я – на коне. И особенно радовало, что никто из присутствовавших этого не понимал.

Потому что они не знали, что Ла Стригу грохнул я.

Хотя фактически, она сама себя грохнула.

Когда три дня назад она пригласила меня в гости – тоном, который не подразумевал отказов – я поехал чисто от скуки. В поселке я не жил, хоть царской волей Данте у меня тут был целый особняк – как раз напротив дома старой Ведьмы. Но мне куда ближе был родной бордель, поэтому пришлось потрястись в дороге – ну, хоть Феррари прогулял.

Ведьма ждала меня в столовой – античной, пафосной комнате, которую я ненавидел. Человек, который обставлял все в этом доме, явно был обделен вкусом, чувством стиля и минимальными представлениями о прекрасном, поэтому находиться тут мне было откровенно тяжело.

Обычно тут еще и сигаретами воняло так, что тянуло блевать. Но последнее время Ла Стрига отказалась от привычки, которая ее медленно травила все прошлые годы.

Она сидела в кресле – инвалидном кресле с дурацким рычажком, который приводил в действие маленький двигатель. Но Лучия предпочитала, чтобы ее возил кто-то из охраны.

Кроме нас в комнате никого не было – девчонка-горничная, проводившая меня сюда, тихо прикрыла за собой широкие двустворчатые двери и удалилась в неизвестном направлении.

— Спасибо, что приехал, — глухо произнесла Лучия Орсини.

Она никогда не была красавицей, но сейчас представляла собой откровенно жалкое зрелище. Худая настолько, что кожа обтягивала ее кости как латексная перчатка, подчеркивая все выпуклости и впалости. Синюшные круги под глазами. Седые волосы, обычно собранные в строгий пучок, сейчас редким водопадом ниспадали на острые плечи.

Жалкое зрелище.

— Спасибо? — усмехнулся я, прохаживаясь вдоль длинного дубового стола, за которым никогда не собиралось больше двух-трех человек. — Ты уже окончательно выжила из ума, чтобы кого-то благодарить?

— Не паясничай! — попыталась пристыдить меня Ведьма, но закашлялась, поэтому угрозы я не почувствовал от слова совсем.

Да, очень жалкое зрелище.

— У меня к тебе предложение, — закончив с очередной попыткой выплюнуть легкие, просипела Лучия.

— Я так и подумал, — иначе и не притащился бы сюда. Мы уже проворачивали с Ведьмой пару назовем это «удачными сделками» в обход Данте Орсини. Провернуть еще одну перед ее смертью будет красивым завершением этой истории.

Но я не думал, что завершение будет таким буквальным.

— Я хочу, чтобы ты меня убил.

Я, изучавший сад за окнами, медленно повернулся.

Ла Стрига не отличалась умением шутить, поэтому и сейчас выглядела слишком серьезной.

— Надоело ждать, пока тебя добьет рак?

— Да.

Я тихо хмыкнул. Честностью Лучия тоже не отличалась, но сейчас явно не врала. На ее месте я бы тоже выбрал быструю смерть, чем такую мучительную.

— И что ты предлагаешь? Пустить пулю тебе в лоб? — уточнил я. — Если что, только скажи – ствол в тачке.

Орсини сморщилась так, будто я предлагал ей самой нажать на курок. Двуличная сука: пактать собственные руки – брезговала, а подписывать других под самые грязные дела – всегда пожалуйста.

— Хочу менее кровавую смерть, — подтвердила она мои мысли.

— Глотни яду.

— Не даст стопроцентного успеха с учетом лекарств, которые в меня пичкают.

Видимо, Ведьма не хотела страдать ни одной лишней минуты.

— Тогда пуля, — пожал я плечами. — Быстро и не больно.

— Инъекция, — не согласилась старуха. — У меня все есть.

Даже не сомневался, что меня позвали уже на все готовенькое.

— И ты хочешь, чтобы укол сделал я?

— Именно так.

— Безмерно тронут.

У Ла Стриги никогда не было любимчиков, но нам казалось, что больше всего она выделяла Беатрис. Может, из-за того, что она была единственной девочкой, выжившей в подвалах Винодельни. Может, из-за каких-то их личных историй. На остальных Ведьме было примерно одинаково насрать.

Нам же на нее насрать было одинаково.

— И что я получу за это несомненно лестное предложение?

Лучия Орсини – мастер сделок. Она никогда не предлагает ничего, не требуя платы, и не просит услуг, не собираясь за них платить.

А мои стоили дорого. Очень дорого.

— Всё.

Глава 6. Сандро

Я вопросительно приподнял бровь.

— Конкретизируй.

Деньги, недвижимость, акции, даже личные острова – вся эта хрень меня не интересовала. И Ведьма об этом знала.

— Мои приюты и...

Она снова зашла в кашле, и у меня было время составить целую речь, чтобы отказать. Самая длинная была «А не пошла бы ты на хуй со своими приютами, стерва».

Но, думаю, об этом Ла Стрига тоже догадывалась.

—...и все, что за эти годы я смогла построить, — закончила она, вытирая рот уголком платка, вынутого откуда-то из складок платья. — Агентурные сети. Архивы с компроматом. Связи. Долги. Все, Сандро.

Да, на блага цивилизации мне было насрать. А на блага криминального мира – нет.

— Решила сделать меня своим наследником, Ведьма? — усмехнулся я. — Был уверен, что это будет Трис.

— Она даже слушать меня не стала, — Лучия нашла в себе силы даже на то, чтобы махнуть рукой. — И пока она носит ребенка Данте, он все равно не позволит ей заниматься ничем опаснее разгадывания кроссвордов.

И тут она тоже была права.

Ла Стрига не стала продолжать – а я не стал соглашаться, хотя должен был признаться: мысль обладать всем тем хаосом, над которым правила Лучия, неимоверно восхищала.

Я хотел место андербосса, но Стальной Дон выбрал на эту роль Марко. Я смирился и построил свою маленькую империю из шлюх и алчных мудаков, сливающих бабки в моих игровых домах и подпольных бойцовских клубах.

Но если присоединить к этому еще и империю Ведьмы...

Я стану куда более влиятельным, чем сам Данте Орсини.

Я стану фактически незаменимым.

— Допустим, я соглашусь, — ровным тоном выдал я спустя несколько минут размышлений. — Но у тебя явно есть и другие условия, не так ли?

— Только одно, — не разочаровала меня Ведьма. — Сохрани мои приюты.

— Они мне нахер не сдались.

— Тогда найди того, кому они сдались! — с нажимом, грубо обрубил Лучия, и в этот раз даже не закашлялась. — Это – мое наследие, Джокер. И я хочу, чтобы оно жило и после меня. Тебе даже делать ничего не нужно – есть благотворительный фонд, туда приходит достаточно денег, нужные люди их распределяют. Просто поставь над ними того, кто будет меньше всех воровать и хоть немного сочувствовать этим детям.

— Так, как ты однажды посочувствовала нам?

Благодаря ее «протекции» мы оказались на старой винодельне под надзором мудака Ковача, который растил из нас будущих убийц и защитников. Мне было девять, когда он впервые показал мне, что бывает с теми, кто нарушает его приказы. Вот так на второй день пребывания в этом аду я заполучил десять шрамов от хлыста.

Став старше, я почти все свел. Следы, конечно, остались, но только при ближайшем рассмотрении можно было понять, насколько «веселым» было мое детство.

— Мое сочувствие сделало тебя тем, кто ты есть, — не без гордости заявила Стрига, и за это мне хотелось свернуть ей шею прямо сейчас. — А моя смерть сделает тебя кем-то большим. Разве плохо?

Я не ответил, ибо сам уже успел подумать об этом.

— Я соглашусь исключительно для того, чтобы быть первым, кто убедится, что ты на самом деле сдохла раз и навсегда.

Она улыбнулась совсем как раньше – опасно.

А теперь она лежала в гробу, который медленно опускали в землю. В своем завещании Лучия потребовала похоронить ее как можно дальше от своего мужа – Карло Орсини она ненавидела еще в те времена, когда он был жив. Поэтому ей нашли место в той части кладбища, где хоронили значимых лиц города.

Когда деревянный ящик достиг дна ямы, Данте нашел своей рукой руку Трис и потянул ее в сторону. Люди сразу пришли в движение: Кустоди расчищали проход для Стального Дона.

Чета Орсини ушла первой. Марко и Алисия удалились следом за ними. После этого и остальной народ начал рассасываться, обсуждая все, что только что увидел.

Мы с Нико остались стоять. Не знаю, почему остался он – возможно, ему просто нечем было заняться. А я выполнял именно то, что сообщил Ла Стриге: убеждался, что в земле она и останется.

— Это ведь ты ее грохнул, не так ли? — поинтересовался Лоредано, когда вокруг нас не осталось никого, кроме работников кладбища.

— С чего ты взял?

Я не делал из этого секрета, но и не трепался на каждом углу. Но Нико – он хоть и строит из себя полного придурка, а все-таки не дурак. Далекое не дурак.

— Она оставила тебе приюты, — пояснил он, поворачиваясь ко мне и задирая свои солнечные очки на рыжую макушку. — В завещании. Приюты для нее – самое ценное. Значит, ты сделал для нее что-то равноценное. Например, избавил от страданий.

— Может быть.

Он не ответил – да и не за чем. Мы оба прекрасно все понимали: с тех пор, как Данте грохнул ее мужа, Ла Стрига никому не позволяла издеваться над собой. Даже болезни.

— Она мучилась? — еще немного погодя спросил Нико.

— Нет.

Ее укол был подобран идеально, чтобы уснуть и не проснуться. Без боли. Возможно, даже без снов – но этого мы уже не узнаем.

— Она это заслужила, — не поясняя, о чем речь – о быстрой смерти или о смерти вообще, заявил Пилот и двинул на выход.

Я остался, сжимая в кармане флеш-карту с ключом от облачного хранилища. Ближайшие дни я собирался оккупировать свой кабинет и не вылезать оттуда, пока не изучу все, что насобирала Ведьма. Я уже предчувствовал, сколько возможностей мне это даст.

Я поставлю этот город на колени. И буду властвовать над ним тайно, пока официально это делает Данте Орсини.

Но, стоило мне только вернуться в бордель, как меня еще на входе перехватила Делия – кто-то вроде неофициальной управляющей.

— Босс, ты не поверишь! — заявила она, глядя на меня огромными черными глазами. — К тебе пришла девчонка

— Я не в настроении, — перебил я сразу, желая только одного: забаррикадироваться, открыть хороший скотч и врубить комп.

Но Делия – настойчивая сучка, вцепилась мне в локоть и едва не повисла, не пуская меня наверх.

— Да ты только послушай! — воскликнула она, повышая интонации. Я бросил на нее уничтожительный взгляд: никто не имел права мной командовать. Но она даже пальцы не разжала. — Там девчонка Ворона! Маленькая Ворона, ты слышишь?

До меня не сразу дошло. А когда дошло...

— Анастасия?!

Делия отчаянно закивала, как китайский болванчик.

— Какого черта здесь забыла эта кукла?

Моя правая рука пожала голыми плечами, от чего ее утянутые в корсет сиськи призывно дернулись.

— Без понятия. Но она хочет говорить с тобой.

Кажется, я сорвал джек-пот. Сначала подарки от Ведьмы. Теперь – от хрен знает кого. Но если здесь сама дочь уроды, который посмел нанести мне оскорбление...

Я сделаю все, чтобы она отсюда не вышла.

Глава 7. Анастасия

Всю ночь я думала о словах Стального Дона и прикидывала, сопоставляла, считала. Между ночью моего девичника и брачной ночью – неполные сутки. Если отцом Луны не был Данте, то

Им был Сандро Мещино по прозвищу Джокер.

Когда я увидела его на свадьбе, была уверена: он пришел, чтобы разрушить мою жизнь. Но он лишь скользнул по мне сальным взглядом, тихо усмехнулся и занял место в первом ряду.

О том, что произошло между нами, Мещино решил не говорить. Я подумала, что это очень неплохая позиция, и стала так же ее придерживаться, тем более что с самим Джокером мы практически не пересекались. На семейные ужины Орсини меня не звали. Комнату мне выделили в дальнем крыле, на максимальном удалении от кабинета дона. А на мероприятия, куда меня таскал Данте в качестве необходимой спутницы, Сандро просто не приходил.

За время моего брака мы с ним не перекинулись и парой фраз. Ни одной, если хорошо подумать.

А сейчас мне предстояло прийти к нему и сообщить, что я родила от Джокера дочь.

Миссия невыполнима.

Но вариантов у меня не было. Наследство моего отца давно присвоено Орсини. Деньги, которые мне удалось получить через старых знакомых, для которых имя Вовы Ворона было не последним звуком, стремительно заканчивались. Еще неделя, и я не смогу купить дочери не то, что подгузники – даже питание, не говоря уже про одежду, которая стремительно становилась мала, или лекарства.

Мне нужна была помощь. Или работа. Хоть что-то.

В то, что Джокер с распростертыми объятиями примет свою наследницу, я не верила. Но упрямо тащила по адресу, на поиски которого потратила полдня. В итоге так и пришлось искать номер Алисии Вителло и спрашивать у нее – не знаю, о чем она подумала, когда я сначала попросила о встрече с ее мужем, потом – с самим Данте Орсини, а теперь еще и с Сандро. Наверное, что я – сумасшедшая.

Но мне было плевать.

Соседка, милая одинокая женщина миссис Донован, согласилась посидеть с Луной, пока я решаю свои проблемы. Радовало, что дочь у меня была спокойной и легко шла на контакт с новыми людьми, поэтому за нее я была спокойна.

А за себя – нет, ведь я никогда не была в местах, подобных этому.

Бордель Джокера располагался в центре города, у всех на виду. Большое четырехэтажное здание из темного кирпича с панорамными, тонированными окнами. Парковки перед ним не было – только ухоженный газон и дорожки до самого входа.

Стоило только подойти, как дверь открылась, и мне навстречу шагнул огромный бугай в черной майке с надписью «Охрана».

— Мы закрыты, — холодно сообщил он мне и попытался скрыться внутри, но я не позволила.

— Мне нужно поговорить с Сандро Мещино! — я шагнула вперед, преграждая мужчине дорогу. — С Джокером.

— Его нет, — отрубил амбал и попытался меня обойти.

Я не дала.

— Это важно! — жалобно выдала я, но сама поняла, насколько подобный аргумент выглядит неубедительным, поэтому добавила другой: — У меня есть информация о русской братве!

Когда-то давно мой отец был ее паханом, а я – его маленькой принцессой. Теперь от Вовы Воронцова осталась только груда костей, похороненная неизвестно где – я даже не могла прийти на могилу, чтобы отдать папе последние почести.

А я больше не принцесса.

Мужик задумался. Нахмурился, почесал затылок и потянулся к радию на поясе.

— Делию дерни на выход, есть разговор, — произнес он неизвестному слушателю, а после отступил. — Проходи.

Я зашла внутрь и застыла. Если честно, я представляла себе обитель разврата иначе: красный цвет, пилоны, наручники, диваны, плетки. А здесь было даже стильно.

Хрустальные люстры под высоким потолком прекрасно уживались с неоновой подсветкой на стенах, отделка в стиле лофт, бархат и кирпич. Приглушенный свет после яркого солнца немного дезориентировал, но лишь на миг.

Для столь раннего часа здесь было многолюдно, но это явно были не гости. Разодетые девушки – явно шлюхи и стриптизерши, парни в рубашках и жилетках – кто-то вроде барменов. Были еще другие люди – мужчины и женщины, – одетые во все черное. Но я так и не разгадала их предназначение.

— Жди! — бросил мне бугай и устроился за небольшой стойкой на барном стуле – видимо, это его наблюдательный пункт.

Спустя секунд десять в коридоре появилась девушка. Или женщина? Сложно было понять: у нее был такой густой макияж, который и из несовершеннолетней сделал бы достигшую возраста согласия. Из одежды на ней был только узкий кожаный корсет, едва держащий внушительных размеров грудь, и такая короткая юбка, чтобы было видно нижнюю часть ягодиц сзади и почти видно – все, что спереди.

Высокие сапоги на тончайшей шпильке заканчивали образ БДСМ-госпожи.

Делия, если это была она, меня даже не заметила – вероятно, потому что я была в черной блузке и черных штанах и почти сливалась с полумраком входа. Лишь когда охранник кивнул в мою сторону, она повернулась и едва не споткнулась на своих каблуках.

— Охренеть! Маленькая Ворона!

Ненавистное прозвище ударило по нервам, но я удержала нейтральное выражение лица. Строить из себя обиженную невинность – не в моих интересах. Но то, что меня узнали, могло сыграть на руку.

— Мне нужен Джокер, — повторила я то же самое, что совсем недавно заявила амбалу.

— Так его нет, — все еще глядя на меня расширенными от шока глазами заявила она. — Он на похоронах старой Ведьмы.

Точно, я ведь читала новости – тетка Данте умерла. Из этого сделали целое городское событие, будто хоронили кого-то святого.

Я не знала Лучию Орсини – мы пересекались всего пару раз, и в один из них она намекнула мне, что если я хочу заполучить мужа, мне нужно сначала договориться с его Тенью. Завоевывать Данте мне не хотелось, но отец требовал как можно быстрее залететь, и грозился решить вопрос радикально, если я не смогу соблазнить Стального Дона.

Но он в упор не соблазнялся! Даже когда я ходила перед ним в чем мать родила. Ни один мужчина не устоял бы, а Орсини даже не возбудился.

Тогда-то я поняла, что он просто удовлетворял свои потребности где-то еще. А слова Ла Стриги натолкнули меня на единственный вариант, который был в окружении дона всегда.

Очень удачно я в тот момент узнала о беременности и решила убить двух зайцев одним выстрелом.

Кто же знал, что после этого меня похитят.

Пока сидела в плену у китайской мафии, поняла, что Лучия Орсини просто грамотно меня подставила под гнев Беатрис. И, возможно, Триады.

Поэтому я не сильно переживала, узнав, что она умерла.

— Тогда я его подожду, — уверенно заявила я, глядя точно в глаза шлюхе – или кем она тут была.

— Да, думаю, Сану будет интересно с тобой поболтать, — растягивая гласные, протянула Делия и махнула рукой. — Пошли, посажу тебя в випку.

Випка оказалась не роскошной, а давящей. Темное стекло, тяжелые шторы, низкий столик, два дивана и запах дорогого алкоголя, вьедшийся в воздух так плотно, будто стены здесь тоже пили.

И секс. Здесь кругом пахло сексом.

Из общего зала доносились тихие голоса, смех, звон бокалов, но сюда все звуки доходили уже приглушенными, будто из-под воды.

Я села на самый край дивана и сцепила пальцы в замок. Потом расцепила. Потом снова сцепила. Сердце колотилось так, словно собиралось пробить ребра и сбежать отсюда раньше меня.

Сначала я пыталась подобрать слова. Такие, чтобы не звучать идиоткой. Потом поняла, что таких слов просто не существовало.

Признаваться в своей беременности Данте было проще – там хотя бы была хоть какая-то предыстория. А здесь что? Одноразовый трах, когда я шла наперекор папочкиной воли, а Сандро просто развлекался?

Вся моя уверенность испарялась под светом неоновых ламп. И чем дольше мне приходилось сидеть, тем неуютнее я себя чувствовала.

Меня не трогали. Ко мне не заходили. И снова – даже воды не было, лишь бар с кучей алкоголя в углу: я изучила бутылки в мельчайших деталях, прежде чем дверь за моей спиной открылась.

Я резко обернулась.

Глава 8. Анастасия

Сандро вошел без спешки, вразвалку, как входил человек, который знал, что все вокруг принадлежало ему. Черный костюм сидел на нем безупречно, галстука не было, а верхние пуговицы рубашки расстегнуты. После похорон любой другой выглядел бы мрачным или хотя бы уставшим. Джокер выглядел так, будто похоронил не человека, а скуку.

Серые глаза скользнули по мне сверху вниз. Медленно. Нагло. Так, словно он не узнавал меня, а приценивался.

— Надо же, — протянул он, прикрывая за собой дверь. — Какая редкая птица залетела ко мне сама. Маленькая Ворона в моем борделе. Мир сегодня точно сошел с орбиты.

Я задрала голову повыше.

— Мне нужно с тобой поговорить!

— Ты уже говоришь, — лениво заметил Джокер, подходя ближе. Я невольно отошла с траектории его движения, но он шел вовсе не ко мне, а к бару. Покопался среди предложенного, плеснул себе виски и только потом развернулся ко мне. — Ну? Удиви меня. Только давай быстро. У меня нет ни времени, ни желания слушать, как ты будешь хлопать глазами и строить из себя приличную девочку.

Его голос царапал не хуже наждачки. А взгляд таким взглядом не смотрят на человека. Так смотрят на вещь, которую уже мысленно раздели, сломали и выбросили.

— Это касается той ночи, — выдавила я, решив сразу перейти к делу.

Быстрее скажу, быстрее мы к чему-то придем, верно?

Сандро замер. Потом усмехнулся и сделал глоток.

— Какой именно, куколка? У меня их было дохрена и больше, — он плотоядно улыбнулся, явно давая понять, что говорил не о тех ночах, когда мирно спал в постели. — Но если ты про ту, когда дочь русского пахана сама прыгнула мне на член, то вынужден признать: она вышла занятой.

Лицо полыхнуло. Я стиснула зубы так сильно, что заныли виски.

— Это был мой девичник. Я перебрала.

— Да мне насрать на твои оправдания, — скептически ответил Джокер. — Мне волнует, нахрена ты явилась сюда сегодня. Пришла за добавкой? Прости, куколка, но я не трахаю бывших жен своих друзей.

Меня затрясло от отвращения. Я знала, что Сандро – мудака: папа всегда характеризовал его именно этим словом. И понимала, что разговор с ним будет сложным. Но это его пренебрежение, отвратительные намеки Я хотела зарядить ему по лицу и свалить.

Но уйти сейчас значило признать, что я зря пришла. Что все это было зря.

Я заставила себя вдохнуть.

— После той ночи я забеременела.

Сандро не моргнул. Только медленно пригубил из стакана.

— И?

— И родила дочь.

— Пиздец как рад за тебя, куколка, — со скучающим выражением лица выплюнул он. — Ты за этим пришла? Чтобы я тебя поздравил?

Теперь он все-таки подошел ближе. Не вплотную, но настолько, чтобы я снова почувствовала исходящую от него опасность. И мужской запах. Точно такой же, какой был в тот раз, когда я целовала его шею.

— Помнится, ты трепалась на каждом шагу, что это – ребенок Данте, — усмехнулся Сандро и, обойдя меня по дуге, уселся на диван, широко расставив ноги. — И как, успела сообщить папочке счастливую новость? Уверен, он оценил ее по достоинству!

Он открыто насмеялся надо мной, потягивая свой напиток.

— Это не ребенок Данте, — произнесла я, глядя Сандро прямо в глаза, потому что иначе бы не сказала. — Это твоя дочь.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. Без смеха. Без злости. Вообще без ничего. В его глазах было так пусто, что я почувствовала, как меня затягивает в их опасную, смертельную глубину.

А потом его верхняя губа дрогнула.

— Ты уверена?

Я кивнула.

— Я считала сроки. Другого варианта нет. Данте

— Да мне насрать на Данте, — рявкнул он, и от этого рыка я едва не отшатнулась. — И твои подсчеты. Хотя, учитывая цвет твоих волос, немудрено, что у тебя проблемы и с математикой, и с логикой.

Я хотела осадить его, но не успела.

— Я трахаю все, что движется, куколка, — усмехнулся Джокер, глядя на меня снизу вверх, но от этого взгляда я чувствовала слишком маленькой и незначительной.

Жалкой.

— И прекрасно знаю, что нужно делать, чтобы такие тупые шкуры, как ты, не залетели.

У меня пересохло во рту. Я помнила, как он заставлял меня глотать таблетку, как влил в меня целую бутылку воды почти силком. И как потом похвалил.

А после выставил за дверь.

— Меня вырвало, — пояснила я. — На улице. Почти сразу. Эта твоя пилюля она не переварилась. Не успела подействовать. Я только недавно это поняла, когда начала все вспоминать.

Он уставился на меня так, будто перед ним стояла не женщина, а кусок особенно тупого дерьма, который вдруг решил заговорить.

— Серьезно? И ты пришла с этим бредом ко мне?

И этот придурок... заржал. Именно заржал. Не засмеялся, не усмехнулся, а откинул голову назад и расхохотался так мерзко, так самодовольно, что у меня внутри все скрутило от злости.

Ненавижу его! Вообще всех Орсини ненавижу! Самовлюбленные, мерзкие, сами себе на уме, конченные...

— Господи, даже для твоей блондинистой головы это какой-то перебор, куколка! — отсмеявшись, заявил Сандро, едва ли не вытирая слезы из глаз.

Я собрала в кулак все свое благоразумие, все остатки выдержки, чтобы не сорваться на Джокера криком и обвинениями, и как можно более дипломатично произнесла:

— Послушай, Сандро. Я понимаю, что это звучит как бред, и что ты наверняка

Но он снова перебил. Его смех оборвался так резко, будто кто-то перерезал натянутую струну. Улыбка исчезла, а холодные серые глаза стали метать уже не молнии – кинжалы.

— Понимаешь? — опасно низким голосом прошипел Меццино. — Уверена, куколка?

Он смотрел на меня так, что по спине поползли липкие, омерзительные мурашки самого настоящего страха. Глядя на Сандро, слишком легко было забыть, кем он на самом деле был. Его дорогой костюм, расслабленная поза, образ прожигающего жизнь хозяина борделя создавали опасную иллюзию, что этот слишком уверенный в себе мужчина – такой же, как все.

Но это не так. Он не просто мудака, подлеца и скотина. Он убийца, насильник и умелый манипулятор. А в этом месте – похоти, порока и грязного секса – он и вовсе царь и бог. Если он только захочет, я никогда не выйду отсюда живой.

Никогда.

И моя дочь останется одна.

Поэтому я прикусила язык, чтобы не провоцировать хищника на атаку. Но, кажется, уже было поздно.

— Уверена, что понимаешь, что именно ты сделала два года назад? — еще более пробирающим до костей голосом произнес Джокер и одним плавным движением оказался на ногах. Мне сразу же захотелось вскочить и бежать, но страх уже сковал мышцы чем-то посильнее цепей. Я онемела, как кролик, застывший перед ядовитой коброй. — А я напомним. Ты. Подставила. Нашу. Тень.

Каждое слово сопровождалось шагом навстречу. Расстояние было небольшим – всего-то стол между нами, – но Сандро умудрился растянуть эти несколько шагов в настоящую казнь.

— Ты сбежала от Стального Дона. Ты два года держала нас за идиотов. А что теперь?

Он замер точно передо мной: высокий, опасный, пугающий до чертиков. А я все еще не могла пошевелиться – только задирала лицо, чтобы смотреть монстру в глаза.

Но ему этого показалось мало.

— А теперь, — Сандро выкинул вперед руку и вцепился в мои волосы на затылке, стягивая их и вынуждая запрокинуть голову еще сильнее – до боли и выступивших на глазах слез. — А теперь ты вылезла из небытия, маленькая русская сучка, и смеешь что-то требовать сначала от Данте Орсини, а потом еще и от меня?

Его пальцы причиняли боль, но хуже было от взгляда, который безошибочно давал мне понять: я ошиблась. Ошиблась в тот самый момент, когда решила прийти сюда.

Сандро Меццино по прозвищу Джокер никогда бы мне не поверил. Даже приди я сюда вместе с медицинской комиссией.

— Пусти! — я попыталась дернуться, но вышло только хуже: мужчина не ослабил хватку, и боль полоснула еще сильнее. — Мне... больно...

Он улыбнулся – гадко, мерзко, как улыбаются только отъявленные маньяки. И склонился ниже.

— Мне. Насрать. Куколка!

Я слотнула. Он заметил и улыбнулся еще шире.

— Дошло-таки, а, малыш? — Сандро явно наслаждался происходящим: моим страхом, своей властью. Его вторая рука легла на мою щеку, поглаживая почти нежно, и этот контраст с хваткой на затылке вынуждал меня дрожать еще сильнее. — Да, сладкая. Ты вся, целиком и полностью, в моей власти. Я бы мог сейчас свернуть тебе шею на радость Данте. Или подарить тебя Трис. О, уверен, она будет рада показать тебе свои подвалы!

Я понимала, что это были не пустые слова – Меццино с легкостью мог сделать и то, и другое. Если бы у меня был выбор, я бы выбрала смерть – это хотя бы быстро, в отличие от того, что ждало меня в застенках палача Орсини.

Подружками с Беатрис мы никогда не были. А врагами кажется, быть и не переставали.

— Или, может, оставить тебя себе? — тихо, почти шепотом произнес Сандро, и его большой палец проскользнул по моим губам – не нежно, как любовник. Жестко, надавливая до боли и размазывая помаду. Взгляд при этом оставался ледяным, но оттенки сменились. Стали более похотливыми. — Эти губки я помню, как хорошо они смотрелись на моем члене. Что скажешь, куколка? Сделать из дочери Ворона свою личную шлюху. По-моему, это звучит крайне соблазнительно.

Я замерла в его руках. Весь ужас собственной глупости обрушился на меня ледяным параличом.

Смерть. Я все еще выбирала смерть.

Но, кажется, теперь у меня не было никакого выбора.

Глава 9. Сандро

Я не садист. Мне не доставляет удовольствие наблюдать, как другие корчатся в муках, истекают кровью или задыхаются от боли.

Мне нравится наблюдать, как люди получают по заслугам. Причем, получают соизмеримо своим проступкам.

Другое дело, что понятие этой «соизмеримости» у меня было свое личное.

Взять, например, маленькую Ворону. Я бы вполне мог трахнуть ее прямо здесь: уложил бы брюхом на стол, стянул бы джинсы и пристроился сзади, выбивая из нее вместе со стенами все те глупости, что она мне притащила.

Ребенка, блядь! Ребенка решила на меня свалить! Это даже не смешно, это пиздец как смешно!

Я для этой херни не создан, что понял очень и очень рано. Поэтому сначала научился пользоваться гандонами, а когда понял, что никто не стоит моего потерянного удовольствия, стал внимательно следить за тем, в кого я кончаю.

Внутри – только в проверенных шлюх, но в тот раз с куколкой вышла накладка: меня так вставляла мысль, что дочка Ворона сама вешалась мне на шею и нанизывалась на мой член, что я не сдержался. Но и на такой случай у меня были заготовлены варианты – таблетированные, экстренные, безотказные. А заставить пьяную дуру проглотить пилюлю с достаточным количеством жидкости – это вообще не проблема.

Но вина Анастасии была не в том, что она когда-то давно раздвинула передо мной ноги, а после решила прийти давить последствиями. Нет, это – ерунда.

То, что из-за нее пережила Трис – уже заскок посерьезнее. Орсини не прощают нападение на своих, а Ворона, хоть и не держала в руках биту, которой дробили Беатрис кости, все равно была к этому причастна. За это Данте и хотел ее грохнуть. Интересно, почему передумал?

Я бы грохнул. Только тогда девчонка избежала бы моего гнева так же, как ее отец: я хотел, чтобы пахан сдох в мучения, а Стальной Дон всего лишь вышиб ему мозги. Несправедливо.

А я, как мы помним, за справедливость.

И если Вова Ворон не мог ответить, то

Его маленькая сучка ответит за него.

Чем дольше я об этом думал, тем сильнее сжимались мои руки на теле Анастасии. Да, тело у нее все еще красивое – если она и правда рожала, то форму ей удалось сохранить, а, может, даже улучшить в некоторых местах. С таким буферами ей прямая дорога в ряды моих бабочек, но есть нюанс.

Любая шлюха рано или поздно начинает получать кайф от своей работы. У кого-то он проходит быстро, у кого-то задерживается на подольше, но факт остается фактом: они кайфуют. От секса, от мужского внимания, от того, как на них облизываются клиенты и как умоляют забрать их деньги и взять их члены в рот. Как только бабочка понимает, что имеет власть хотя бы над одним долбоебом – все. Она начинает испытывать наслаждение от того, кем стала.

А этого Анастасия не заслуживала.

Поэтому нет, место в моем борделе она не получит, хоть сама по себе идея казалась сладкой. Я даже представлял себе афишу: русская сучка и бывшая жена итальянского дона. Мужики бы уссались за право хотя бы один раз ее оприходовать.

Я бы мог заработать на ней миллионы, если бы эти миллионы меня хоть сколько-то волновали.

Значит, нужно было придумать что-то еще.

Сделать из Вороны личную рабыню? Соблазнительно, но скучно. Меня не вставляло, когда баба, которую я собирался трахнуть, смотрела на меня с ужасом или презрением. Один раз – это прикольно, но стабильно нет. Не хочу.

Слишком просто. Слишком тупо. Слишком похоже на то, чего от меня и так ждут.

Я смотрел на Ворону, зажатую в моих руках, и чувствовал, как ее трясет. Не показно, не по-бабски, когда ресницами хлопают в надежде, что мужик растрогается и сам все принесет на блюдечке. Нет. Ее колотило по-настоящему. Мелко, глубоко, так, что дрожь уходила под кожу и отзывалась в мышцах.

Страх у нее был настоящий.

И мне это нравилось.

Не боль и не слезы: именно этот момент, когда человек уже понял, что попал, но еще не знал, насколько глубоко. Когда в голове лихорадочно перебирались варианты, а правильного не было. Когда готов отдать что угодно, лишь бы кто-то другой принял решение за тебя.

Я медленно убрал ладонь с девчачьего лица, но волосы на затылке не отпустил. Так и держал, заставляя смотреть на меня снизу вверх.

— Вот скажи мне, куколка, — протянул я почти лениво. — Что с тобой делать?

Она молчала. Губы дрожали. Глаза огромные, потемневшие, лихорадочные. Красивая все-таки сука. Даже сейчас.

— Могу свернуть шею, — продолжил я, будто размышлял вслух о выборе вина к ужину. Это будет почти милосердно. Данте оценит. Скажет спасибо, что прибрал за ним мусор.

Анастасия шумно втянула воздух, но не проронила ни слова.

— Могу отдать Трис. И вот это уже будет интересно. С фантазией у нее все в порядке, особенно если есть повод.

Дрожь стала сильнее. Я чувствовал это всем телом и невольно усмехнулся, поставив галочку напротив имени донны Орсини. С бугимэном в этой истории мы, кажется, определились.

— Могу закрыть тебя в одной из дальних комнат, — продолжил я. — Без окон и права открыть рот без разрешения. Сидела бы там тихо и ждала, пока я вспомню о твоём существовании. День. Два. Неделю. Год.

— Пожалуйста... — сорвалось с пухлых губ еле слышно.

Я наклонился ближе.

— Что пожалуйста? Не нравится ни один вариант? Так я еще не закончил.

Дыхание у куколки сбилось. Она попыталась отвернуться, но мой захват не позволил.

— Можно, конечно, подойти к вопросу творчески, — сказал я задумчиво. — Например, отобрать у тебя все, что еще осталось. Имя, остатки гордости. Оставить ровно столько, чтобы ты не сдохла и каждый день помнила, почему вообще открываешь утром глаза.

На слове «гордость» в ее взгляде что-то дернулось. Совсем чуть-чуть, но я заметил.

Интересно.

— Или, — протянул я, разглядывая ее так, будто осматривал новую игрушку, — можно сделать ход красивее. Чтобы не просто наказать тебя за папашины грехи, а со вкусом. Чтобы Ворон, если смотрит сейчас из своего ада, захлебнулся собственной желчью.

— Я не он, — жалобно выдохнула Анастасия, словно это могло меня остановить.

— Да ну? — хмыкнул я. — А кровь чья? Фамилия чья? Привычка врать, выкручиваться и думать, что тебе кто-то что-то должен, тоже, наверное, от соседей досталась?

Она сжала зубы, и это было уже лучше. Намного лучше. Страх страхом, а под ним все еще шевелилось что-то живое.

Я люблю, когда есть что ломать.

— Знаешь, что самое смешное? — спросил я. — Я ведь почти завидую Данте. Ему достаточно приказать, и тебя просто не станет. А мне хочется, чтобы ты исчезала по частям. Долго. Осмысленно. Чтобы до тебя дошло, почему я так с тобой поступаю.

Она закрыла глаза, и под ее ресницам собрались слезы.

— Не надо, — прошептала она.

— Надо, куколка. Еще как надо.

Глава 10. Сандро

Я наконец отпустил ее волосы. Она тут же качнулась, но я поддержал ее за локоть, не давая рухнуть. Не из жалости. Просто не хотел, чтобы разговор прервался.

— Теперь ты говоришь, — бросил я, отстраняя девчонку от себя. — И очень быстро. Потому что мое терпение – штука дорогая и редкая. Почему ты вообще приперлась именно ко мне?

Она сглотнула и не сразу нашла нужные слова.

— Потому что... ты единственный, кто может пойти против него.

Я засмеялся. Коротко, без радости.

— Против Данте? Сладкая, ты мне сейчас льстишь или пытаешься подписать смертный приговор?

— Он дал мне время только до утра, — выдохнула она и вцепилась пальцами в край стола, будто без этого не устояла бы на ногах. — До сегодняшнего утра. Сказал, что если я не исчезну из города сама, от меня убьет.

Вот теперь мне действительно стало интересно.

Я задумался.

Стальной Дон, значит, решил поиграть в великодушие. Даже фору дал. Позволил крысе добежать до норы, чтобы потом раздавить каблуком уже у самого входа.

Красиво. И очень в его стиле.

А еще это прозвучало для меня как личный вызов.

Я медленно провел языком по зубам, чувствуя, как внутри поднимался знакомый азарт. Данте любил уничтожать то, что считал списанным материалом. Любил контроль. Любил, когда мир двигался по его команде, и ни одна тварь не смела выжить, если он сказал «сдохни».

А тут вдруг я.

И его добыча у меня в руках.

— До утра, значит, — повторил я тихо.

Анастасия кивнула, не понимая, насколько только что ухудшила себе жизнь.

Я усмехнулся.

— Это уже интереснее.

— Сандро...

— Молчи, — отрезал я, и она тут же осеклась.

Я отошел на шаг, давая себе возможность посмотреть на нее со стороны. Растрепанная, бледная, с размазанной помадой и взглядом загнанного зверька. Жалкое зрелище.

И все же... нет. Не совсем жалкое.

Опасное.

Потому что под всей этой паникой пряталось нечто, что я раньше в ней уже видел. Упрямство. Та самая дурная, бесполезная, дорогая женская гордость, из-за которой все бабы терпят до последнего, а потом внезапно кусают за руку.

Вот что меня зацепило – еще тогда, в церкви, где куколка выходила замуж за Стального Дона. Когда смотрела на меня, сидящего в первом ряду, и задирала свой аккуратный носик, словно я – говно под ее ногами.

Как забавно теперь обернулась жизнь, не правда ли?

Теперь говно под ногами – она. А все, что у нее осталось – это та сама гордость.

Мне захотелось стереть ее с лица Анастасии так основательно, чтобы от прежней Вороны не осталось ничего. Чтобы она сама однажды не смогла вспомнить, кем себя считала до того, как вошла в мой бордель.

— Допустим, — сказал я медленно. — Чисто теоретически. Допустим, я могу тебе помочь. Спрятать. Подчистить хвосты. И даже подсунуть Данте пустышку вместо тебя.

В голубых глазах вспыхнула надежда. Настолько быстрая и отчаянная, что меня едва не передернуло от удовольствия.

— Правда? — выдохнула Ворона.

— Я не сказал, что стану это делать, — осадил я. — Я сказал: допустим. И тогда возникает очень простой вопрос. Что ты готова дать взамен?

Она смотрела на меня несколько секунд, будто пыталась понять, есть ли вообще правильный ответ. Потом губы ее дрогнули.

— Все, что угодно.

Я фыркнул.

— Самая дешевая фраза на свете. Ее обычно произносят люди, у которых нет вообще ничего.

— У меня есть дочь, — резко сказала она, и в голосе вдруг прорезалось что-то живое, злое. — И мне нужно ее содержать. Мне плевать, что будет со мной. Но я должна иметь возможность заботиться о ней.

Вот оно. Не про себя заговорила. Про ребенка.

Я прищурился.

— Значит, не все что угодно. Только то, после чего ты еще сможешь строить из себя мать года?

Она побледнела сильнее, если это вообще было возможно, но выдержала мой взгляд.

— Я сделаю все, что потребуется, если это даст нам шанс.

Не «мне». Нам.

Я усмехнулся и подошел ближе.

— Даже грязную работу?

— Да.

— Даже если тебя будут презирать?

— Да.

— Даже если придется забыть, кем ты была?

На этот раз ответила не сразу.

Я видел, как внутри нее боролись две вещи: отчаяние и остатки того самого стержня, который я уже успел нащупать. И когда она все-таки прошептала «да», я понял, что решение принято.

Но не ею.

Мной.

— Нет, куколка, — сказал я почти мягко. — Не все. На все ты не готова. И слава богу. Иначе мне было бы скучно.

Она моргнула, сбитая с толку.

Я наклонился к самому ее уху:

— Но я доведу тебя до того состояния, когда ты действительно будешь готова. На все, что я прикажу.

Она замерла.

— Что?..

Я отстранился и, глядя ей прямо в лицо, наконец произнес то, что уже сложилось у меня в голове в идеальную, изящную конструкцию.

— Я не стану делать из тебя бабочку. Это было бы слишком легко для тебя и слишком приятно для окружающих. К вниманию мужчин быстро привыкают даже самые поломанные.

Ее брови дрогнули. Кажется, до куколки только сейчас дошло, что я всерьез рассматривал и такой вариант.

— Нет, — повторил я. — Трахать тебя, продавать тебя, выставять напоказ – это не наказание. Это праздник. А ты праздника не заслужила.

Она молчала, только смотрела так, будто не понимала, откуда ждать следующий удар.

Я улыбнулся.

— Но у меня есть для тебя работа, Ворона.

— Какая?

— Самая подходящая. Будешь убирать за теми, кто умеет жить грязно и гордится этим. Полы, комнаты, лестницы, рвоту в туалетах, использованные презервативы, битые бутылки, кровавые простыни, если ночь выдалась веселой. Все то, что остается после чужого удовольствия. Все то, для чего ты всегда была слишком хороша, чтобы даже смотреть в ту сторону.

Она уставилась на меня, не дыша.

— У меня в борделе как раз не хватает одной уборщицы, — закончил я. — И мне кажется, это место создано для тебя.

— Нет... — выдохнула она так тихо, будто слово само сорвалось с губ, не спросив разрешения.

Я шагнул к ней.

— Да.

— Ты издеваешься!

— Еще нет. Но могу начать, если продолжишь спорить.

В ее глазах полыхнуло унижение. Настоящее, живое. И следом – злость. Слабая, беспомощная, но именно она заставила меня окончательно увериться: я попа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.